

ВЛИЯНИЕ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

Барбаков Г.О.¹, Курашенко И.А.², Устинова О.В.²

¹ Тюменский государственный нефтегазовый университет, Тюмень, Россия (625000, Тюмень, ул. Володарского, 38), e-mail: bara79@bk.ru

² Тюменский государственный архитектурно-строительный университет, Тюмень, Россия (625001, Тюмень, ул. Луначарского, 2), e-mail: sema_79@bk.ru

Гражданское общество существует в диалектически противоречивом единстве с государством. При демократическом режиме оно тесно соприкасается и взаимодействует с государством, при авторитарном и тоталитарном режимах пребывает в пассивной или активной оппозиции по отношению к государству. В статье предпринята попытка показать влияние трансформационных процессов в России на взаимодействие органов власти и общества. Рассматриваются различные научные подходы, объясняющие особенности взаимодействия власти и общества на различных этапах исторического развития. Авторы делают вывод, что процесс становления отношений между властью и социумом в современной России еще не закончен, чему способствуют глубокая социальная стратификация различных слоев отечественного социума, продолжающаяся активная трансформация социальной и политической структуры российского общества, становление самого института власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Ключевые слова: власть, органы власти, общество, трансформационные процессы в обществе, взаимодействие органов власти и общества

THE INFLUENCE OF TRANSFORMATION PROCESSES IN RUSSIA ON THE INTERACTION BETWEEN THE AUTHORITIES AND SOCIETY

Barbakow G.O.¹, Kurachenko I.A.², Ustinova O.V.²

¹ Tyumen State Oil and Gas University Tyumen, Russia (625000, Volodarskogo Street, 38), e-mail: bara79@bk.ru

² Tyumen State University of Architecture and Civil Engineering, Tyumen, Russia (625001, Lunacharskogo Street, 2), e-mail: sema_79@bk.ru

Civil society exists in a dialectically contradictory unity with the state. Under a democratic government it is closely in contact and interacts with the state, under authoritarian and totalitarian regimes is in passive or active opposition to the state. The article attempts to show the influence of transformation processes in Russia on the interaction between the authorities and society. Discusses the various scientific approaches that explain the peculiarities of interaction between authorities and society at different stages of historical development. The authors conclude that the process of transformation of relations between the authorities and society in modern Russia is not over yet, aided by deep social stratification of different layers of Russian society, the continued transformation of the social and political structure of Russian society, the institution of government at the Federal, regional and municipal levels.

Keywords: authorities, authorities, society, transformation processes in society, the interaction between the authorities and society

Исследование особенностей взаимодействия социума и власти в социологической науке началось с момента утверждения ее как самостоятельной сферы знания. Так, в социологии сформировалась классовая концепция власти, рассматривающая власть (государство) в качестве совокупности соответствующих институтов, отражающих интересы господствующего класса (данную традицию в социологии условно обозначают как марксистскую). Существенное место в этой концепции занимает теория отчуждения власти от социума.

М. Вебером осуществлена конкретизация марксистского анализа посредством

концепции государства как некоего «органа легитимного насилия», которое предполагает определенный уровень согласия социума с действиями государства. Ученый выделяет следующие способы реализации власти в отношении социума:

- 1) основанный на харизме (определенной форме восприятия вождя);
- 2) основанный на традициях;
- 3) основанный на оптимально сформулированных принципах и правилах.

Эти способы регулируют отношения доминирования (господства) и подчинения, которые представляют собой некую основу социальной ткани, так как ни один социум не может нормально существовать без деления на тех, кем управляют, и тех, кто управляет. Это есть ключевое классовое деление любого социума [6].

При этом М. Вебер разграничивал понятия «политическая власть» и «хозяйственная (экономическая) власть», базируясь на рассмотрении политики в качестве деятельности, апеллирующей к интересам и потребностям социума, государства, конкретных наций и т.д.

Э. Дюркгейм обращает внимание на вопрос о значении коллективных представлений общества, которые исследуются им в качестве специфических «социальных факторов». При этом проблематика социума и власти рассматривается в новом аспекте. Особую важность обретают «коллективные представления», сложившиеся как в социуме относительно власти, так и во власти – в отношении социума. В системе коллективных представлений Э. Дюркгейм делает разграничение понятийных категорий «светское» и «священное». Социум как реальность надындивидуального плана представляется в понимании ученого некой базой религиозного осознания: «Бог есть прежде всего существо, о котором человек думает как о более возвышенном, превосходящем его самого, и свою зависимость от которого он постоянно ощущает». С позиции Т. Парсонса власть напрямую связана с политической подсистемой, особенности которой заключаются в целеполагании по отношению к социуму в целом. Согласно точке зрения ученого власть является генерализацией всех социальных отношений. Это своего рода генерализированный язык, который понятен всем членам общества и всем его социальным группам. Он обеспечивает функционирование политических отношений точно так же, как деньги обеспечивают функционирование отношений экономических [8].

По мнению французского социолога П. Бурдьё, в поле политики осуществляются воспроизводство и обмен различных форм политического и символического капитала, которые и представляют собой необходимое условие существования власти. Для понимания взаимодействия власти и общества особое значение имеет вопрос о возможностях пересечения поля политики с полями культуры и экономики [5].

Существенное внимание вопросам взаимодействия власти и граждан также уделял Т.

Гоббс. Ученый предпринял попытку раскрыть принципиальную сущность договорных отношений, техники соглашений в политической сфере, ставших базой сформировавшегося в дальнейшем демократического социума и власти. Ключевое внимание он уделял такому вопросу и одновременно важной части демократической процедуры, как отношения меньшинства и большинства [7].

Согласно позиции Т. Гоббса для формирования государства необходимо добровольное согласие всех членов его социума. При этом при определенных условиях будет достаточно, чтобы такое соглашение заключили не все, а подавляющее большинство людей. В данной ситуации государство возникнет вне зависимости от мнения несогласных, после чего вновь созданное государство, пользуясь уже собственной силой, сможет ее использовать против них, реализуя свое право на установление и поддержание мира.

По Т. Гоббсу, верховной властью в любом государстве обладают собрание или отдельный человек, воле которого, отказавшись от права на сопротивление, подчинили свою волю так называемые естественные лица. При этом право на самосохранение, из которого в качестве следствия вытекает и право на самооборону, является естественным правом гражданина. Оно остается у него даже в случае полной передачи абсолютно всех его прав верховной власти. В случае же нарушения законодательства провинившийся наказывается, но и в ситуации наказания, предписываемого законной властью, у гражданина сохраняется право на самооборону. Согласно точке зрения Т. Гоббса лояльность других членов социума в данной ситуации выражается именно в несопротивлении действиям и решениям власти, а также в неказании помощи виновному, т. е. в некоторой пассивности. При этом государство не представляет собой единственное гражданское лицо: им может быть любое собрание граждан, заключивших соответствующее соглашение (к примеру, купеческий союз, заключивший соглашение на объединение с целью совместного ведения дел, и т.д.). Однако такой союз не есть государство, так как его члены не отказались от всех своих прав, но только от их части в пользу сообщества. Следовательно, они всегда могут предъявить к нему какие-либо претензии либо полностью аннулировать договор, что не представляется возможным в государстве: так как полнейший отказ от своих прав предполагает отказ от соответствующих претензий к государству, а также отказ от права заключать либо расторгать договорные отношения.

Классическое понимание власти сопряжено с традицией экономического детерминизма, так как сами классы или иные «общественные силы, определяющие политическую борьбу», структурированы экономически и руководствуются экономическими материальными интересами.

А.И. Бобылев в своем исследовании акцентировал внимание на ключевых проблемах,

связанных с взаимодействием общества и власти и получивших особую актуальность в социологической науке XX в.:

- 1) на углублении представлений о политике как системообразующей сфере деятельности по отношению к социуму, что связано с преодолением экономического детерминизма в объяснении взаимодействия общества и власти, равно как и с преодолением утилитаристского подхода к пониманию мотивации поведения человека;
- 2) на анализе механизмов согласия (принятия власти), которые задаются в значительной степени состоянием культурного поля. Здесь особое значение приобретают коллективные представления о рациональности и легитимности властных институтов;
- 3) на выявлении трансформации инструментов осуществления властного господства: от прямого насилия как «записи на теле» к значению всеобщей письменности и всеобщего образования как условий функционирования институтов демократии, равно как и роли автобиографии для становления личностного самосознания;
- 4) на подчеркивании специфики политического капитала как ресурса власти в обществе, использующей экономический и символический капитал для своего самоутверждения;
- 5) на выделении специального круга проблем, связанных с насилием как совокупностью практик, не только осуществляемых государством, но и проникающих в культуру повседневного общения [2].

Каждая попытка реформирования России имела свои особенности, и практически всегда на первое место выдвигался вопрос о политическом субъекте реформирования. Однако следует отметить, что ни в политической науке, ни в психологии, ни в других смежных областях нет единого подхода к изучению этого вопроса, включающего, помимо прочего, проблемы взаимодействия властной элиты и социума.

Россия и Европа всегда были неразрывно связаны не только в силу их географического положения, но и посредством сложного взаимовлияния друг на друга. Культура России, как и культура Западной Европы, представляет собой синтез язычества, иудейского и христианского духовного наследия. Но одни и те же элементы каждой из названных культур отражены по-разному в различных взаимодействиях и соотношениях [13].

В культуре России и в культуре любой западноевропейской страны существовали два полярных начала: индивидуалистическое и общинное. Между ними велась борьба, но в то же время они уравновешивали друг друга. Окончательно не могло победить ни одно из этих начал. Если представить себе невозможное, то полное торжество индивидуализма означало бы, как у Т. Гоббса, борьбу всех против всех, что в известной мере наблюдалось в эпоху Возрождения [1]. Общество не могло бы существовать. Не могло полностью победить и

общинное начало, ибо это также привело бы к деградации и вырождению цивилизации.

В силу объективных природных, географических и исторических условий жизни в Западной Европе индивидуализм преобладал над общинностью. Преобладал, но никогда не побеждал, даже в самых «индивидуалистических» странах.

Политическая и государственная независимость России оказывалась, с одной стороны, основой ее развития по европейской модели, с другой – ее зависимости от Западной Европы. В XV–XVI вв. закладывались предпосылки имперской модели реформации России, которая до настоящего времени в значительной степени определяет судьбу нашей страны.

Практически все отечественные реформы подчинялись не столько решению внутренних проблем страны и увеличению благосостояния народа, сколько задачам обороны от внешних врагов, военно-политической экспансии империи и поддержания статуса великой державы. Ядром имперской модели было создание мощного военно-промышленного комплекса и обслуживающего его государственно-бюрократического аппарата. Именно по этой причине реформация в России начиналась «сверху» с инициативы политического класса, в частности его отдельной части, сопоставляющей Россию с Западом. Этот класс в целом не был заинтересован ни в коренном преобразовании социальных отношений, ни в повышении развития инициативы граждан. Существование империи могло опираться только на жесткую централизацию и авторитарный контроль над обществом со стороны власти для того, чтобы сохранять самодержавный строй. Необходимо также учитывать и геополитический фактор, который способствовал консервации соответствующих архаичных порядков, а также абсолютистского централизма. Стремление российских правящих элит реформировать Россию «сверху» усугублял раскол между дворянской и крестьянской цивилизациями. В России реформаторы были отделены от народа не только социально, экономически и политически, но и ментально, т.е. они были носителями чуждых для традиционной России идей и концепций, не были укоренены в исторически сложившейся культурной среде.

На основе анализа научной литературной авторы пришли к выводу: характерной для исторического развития России особенностью является то, что каждый новый реформаторский план отрицал предыдущий, приходящие к власти элиты отвергали устоявшиеся в течение длительного периода ценностные ориентации и нормы, в результате чего в известной мере утрачивались накопленные достижения. На каждом этапе реформирования правящая элита сознательно или бессознательно интегрировала фундаментальные свойства предшествующих политических режимов. При этом на культурно-бытовой поверхности более всего заметной стала радикальная трансформация официальной идеологии, но государственная модель не исчезала. Радикализм лозунгов

сочетался с внутренней, глубинной преемственностью. Благодаря этому политическая сущность российских реформаторов продемонстрировала устойчивость своих базовых начал.

Очевидно, что взаимодействие власти и народа как в России, так и в любом другом государстве не складывается просто и однозначно. При этом в России в силу особенностей ее политической культуры отношение людей к власти, а также качество и структура самой власти представляются одними из центральных аспектов политического развития [4].

В последние десятилетия отечественная политическая система также рассматривает различные вопросы власти. В числе прочих поднимаются тематические аспекты, связанные с тем, как власть выглядит и воспринимается самими гражданами. Так, с одной стороны, люди, привыкшие к различным патерналистским моделям коммуникаций с властями, ожидают от них соответствующей инициативы, а также возлагают на них определенную ответственность за происходящие процессы в стране. С другой стороны, в процессе демократической трансформации власть в большей степени вынуждена заботиться о своем особом имидже, осознавая, что этот имидж существенным образом может повлиять на результаты выборов [3, 11]. При этом ключевое отличие текущей ситуации от ситуации, присущей традиционной политической культуре России, состоит в том, что современная власть не может рассчитывать лишь на силовые методы и приемы. Сегодняшние представители власти стараются вызвать симпатию у народа. Отметим, что с появлением новых коммуникационных технологий сформировались и новые требования к самой власти, новые технологии ее поддержания, основанные на исторических, политических и психологических закономерностях восприятия людьми власти.

То, какими видят власть и ее представителей рядовые граждане, влияет на их электоральный выбор, на поддержку власти между выборами и на тот диапазон возможностей, которые открываются перед политическими лидерами в ходе исполнения ими своих властных функций [12]. Образы власти отличает, с одной стороны, существенная изменчивость, связанная и с индивидуальными действиями политиков, и с колебаниями общественного мнения, подверженного различным воздействиям, как целенаправленного свойства, так и случайных событий, политических кризисов и массовых настроений. С другой стороны, глубинные пласты образов отличает известная устойчивость, так как они, как правило, не осознаваемые людьми, питаются из резервуара коллективных представлений, уходящих своими корнями в глубокие традиции национальной политической культуры (психология восприятия власти) [14].

Таким образом, авторы делают вывод о том, что по отношению к власти у общества сложились две противоположные друг другу системы установок. С одной стороны, это установка на то, чтобы избавиться от опеки государства, а с другой (и, вероятно, такие

установки встречаются чаще) – это ожидание от власти помощи и заботы.

Кроме перечисленных тенденций, имеющих место на современном этапе, существуют и другие особенности в исследуемой сфере.

Так, по мнению Н.В. Мерзликина, Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева, в ряду новейших тенденций проявились следующие ключевые направления политической трансформации отечественного социума: появление новых структур власти, способствующих укреплению властной вертикали и формированию единой общефедеральной, региональной и муниципальной политики; реализация мероприятий по укреплению авторитета центральной власти, направленных на увеличение влияния и политического веса государства; трансформация сформировавшихся на предыдущих этапах властных структур, реализация перераспределения между ними соответствующих полномочий для усиления Федерального Центра и др. [9].

Отметим, что в целом в России пока не привилась сформированная на основе западной модели «нации-согражданства» соответствующая идеология «россиянства». При этом самоорганизация общественной сферы осуществляется по направлению актуализации не только гражданско-правовых, но в большей мере так называемых органических общностей, консолидированных по признаку единства исторического опыта, приобретенного посредством социализации.

Л.В. Терентьева выделила следующие тенденции, прямым образом оказывающие влияние на характер взаимодействия власти и общества: изменение государственного устройства России; трансформация российских властных структур; появление новых социальных институтов общества; трансляция и адаптация к российским реалиям западных образцов взаимоотношений между обществом и властью [10].

Таким образом, исследовав отношения между властью и социумом в современной России, авторы статьи пришли к выводу, что во взаимодействии этих социальных институтов наметились определенные трансформации, обусловленные следующими ключевыми причинами: трансформацией российских властных структур; появлением новых социальных институтов общества; трансляцией и адаптацией к российским реалиям западных образцов взаимоотношений между обществом и властью.

Опираясь на мнения ученых (социологов, политологов, философов, психологов), авторы полагают, что процесс становления новых отношений между властью и социумом в современной России еще не закончен, чему способствуют глубокая социальная стратификация различных слоев отечественного социума, продолжающаяся активная трансформация социальной и политической структуры российского общества, становление самого института власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Список литературы

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Пер. с фр. М.: Изд. группа «Прогресс «Политика», 1992. С. 191.
2. Бобылев А.И. Исполнительная власть в России: теория и практика ее осуществления. М.: Право и государство, 2005. С. 101.
3. Барбаков Г.О., Курашенко И.А., Устинова О.В. Информационная политика органов местного самоуправления // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.science-education.ru/121-19364> (дата обращения: 27.05.2015).
4. Барбакова К.Г., Горева О.М. Интеллигенция и власть: параметры взаимодействия // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2010. № 4. С. 24–28.
5. Бурдые П. Социология политики / Пер. с фр. М.: Socio-Logos, 1993. С. 50.
6. Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс. 1990. С. 63.
7. Мееровский Б.В. Гоббс. М.: Мысль, 1975. 208 с.
8. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Седова и А.Д. Ковалева. // Под ред. М.С. Ковалевой. — М.: Аспект-Пресс, 1998. С. 103.
9. Социология. Основы общей теории. Учебник для вузов // Под ред. Н.В. Мерзлика, Г.В. Осипова, Л.Н. Москвичева. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 78.
10. Терентьева Л.В. Институционализация властных отношений в местном сообществе: Автореферат дисс. канд. социол. наук. Ставрополь, 2007. С. 13.
11. Устинова О.В., Курашенко И.А. Коммуникативные технологии в повышении эффективности взаимодействия муниципальных органов власти и населения / В сборнике: Перспективы развития науки и образования / Сборник научных трудов по материалам Международной науч.-практ. конференции. Тамбов, 2012. С. 141–143.
12. Устинова О.В., Савицкая Ю.П. Особенности взаимодействия органов местного самоуправления с населением // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. № 2(24). С. 257–263.
13. Хайруллина Н.Г. Социально-политическая ситуация: оценки, установки, тенденции // Социосфера. 2014. № 1. С. 118–121.
14. Ustinova O.V., Khairullina N.G., Romanova O.P. The role of communicative technologies in the process of local governments and the population interaction // Life Science Journal. 2014. № 11(12s).

Рецензенты

Линник Т.Г., д.э.н., профессор, ТюмГАСУ, г.Тюмень;

Силин А.Н., д.соц.н., профессор, ТюмГНГУ, г.Тюмень.